

Макаренко Виктор
Николаевич

13.1.2000.

12

За Калужской
заставой

ЛЮДИ НАШЕГО ОКРУГА

- 2000 - 13-19 янв. - с 12

Его картины приобретают и шейхи из Бахрейна, и российский президент, а он так и не стал солидным мэтром, предпочитает обычную бейсболку и метро. Объездил полмира, но сердцу по-прежнему мил неброский зюзинский лес. Его называют ярким представителем московской школы живописи, а он до сих пор в слове «конечно» чеканит «ч», как южанин. У него «педагогическая» фамилия, но он противник деления настоящего искусства на школы. В нем нет ничего от именитости: народный художник России Виктор Николаевич Макаренко народный в прямом смысле - русский мужик с крепкими руками и добродушной смешинкой в глазах.

ВИКТОР МАКАРЕНКО:

ВЕРЮ В КРАСКИ, РУКИ, РАЗУМ

Виктор Николаевич, откуда вы родом?
- Мои предки Макаренко служили на заводе рабочими: все первоклассные специалисты, имели хорошее жалованье, жили в достатке и ходили на работу с тросточкой и в котелке. Родился я в 1937-м в Одессе. Страшные перипетии того времени сделали меня беспризорным, а затем воспитанником детдома.

Сколько себя помню, все время рисовал - везде был первым художником и уже в 12 лет вел студию. Выпуская в 1951-м из детдома, вручили мне подъемные и направление на учебу в Москву - Художественное училище им. Строганова, куда я попал спустя... 14 лет. А тогда, опьяненный свободой, и не заметил, как закончились деньги - не успел даже билета купить. Пришлось идти в ремесленное училище, одновременно работал слесарем на заводе тяжелого машиностроения. Потом подался на флот матросом. Привлекали романтика морской жизни, собственное «жилье» - каюта, но главное - рядом с гаванью находилось художественное училище, библиотека, куда меня тянуло как магнитом. За эти годы каких только профессий не перепробовал - работал шахтером в Донбассе, был медником-газосварщиком цветных металлов, комбайнером, слесарем-инструментальщиком, учился в Новочеркасском политехе. Передвигался по всему Советскому Союзу вплоть до Дальнего Востока, полагая, что, если нет привязи, надо что-то искать, смотреть, сравнивать. Но кем бы ни был, всегда чувствовал потребность писать: изучал рисунок, композицию, вечерами посещал студии хороших художников, даже участвовал в выставках. В конце концов изобразительная страсть во мне взяла верх.

- И тогда вы приехали в Москву поступать в Строгановку?

- Нет, это было позже. В Москву же я попал благодаря Королеву. Приехав в 1963 году в Одессу на одно из оборонных космических предприятий, Сергей Павлович зашел в цех и, оглядевшись, пригласил меня и еще двух слесарей на работу в столицу. Так я стал москвичом, почти сразу осел в Зюзине.

- Бросить все в 28 лет и поступать в художественный вуз... Это, видимо, непросто?

- Головная боль была, но пока выбирал между творческим и техническим вузом, а когда решился, словно камень с души упал. В Строгановку, которую пророчили с детдома, поступал сам, без направлений и блата. На творческом конкурсе получил самый высокий балл: в приемной комиссии ни у кого не возникло сомнений в зрелости моих работ. Вскоре стал членом Союза художников. Моим коньком была графика и композиция, тяготел к инженерным разработкам. Не успел окончить вуз, а уже сделал фасад Музея им. Ленина в Ташкенте. Дипломная работа - здание экскурсионного бюро телецентра «Останкино». По моим проектам построены зоопарк в Абакане, Дворец культуры в Самаркандской области. Позже участвовал в конкурсе на проект архитектурного ансамбля «Тысячелетие крещения Руси», где занял шестое место, получил от Синода диплом и грамоту. Был и главным художником Внешторгрекламы, сотрудничал с известными книжными издательствами. Многие графические работы могут называть удачными, а серия плакатов к Олимпийским играм в Москве получила две медали ВДНХ.

- И все же сегодня вы отдаете предпочтение не графике, а живописи. Почему?

- К живописи тяготел всегда и при любой возможности ходил на этюды. Но для занятий письмом нужен профессиональный сдвиг в комплексе дисциплин. Как ни странно, сконцентрироваться на живописи помогла... операция на желудке. Врачи принудили меня почти к сидячему образу жизни, и я углубился в изучение колорита, композиции, техники живописи.

Начиная с 1970 года проходят регулярные выставки моих работ в Москве, других городах, за рубежом. Только в этом году их было семь - в Тунисе, Танзании, Саудовской Аравии, Бахрейне (там организатор сразу приобрел 20 картин, выстроив для них отдельное здание), две в Индии, в Московском Кремле. Сейчас проходит выставка в ЦДХ на Крымском валу, где я представил на суд зрителей 160 работ.

- Вы можете сказать, что достигли совершенства в живописи?

- Никогда. Да, я чувствую себя достаточно профессионально, но учусь постоянно - всегда есть проблема, которую надо решать. И процесс постижения возможностей самовыражения бесконечен. Когда говорят, что «художник не дописал работу», это неправильно: он дописал ее до того состояния, на которое был спо-

собен в тот момент. Более того, картина, как и любой творческий материал, никогда не может быть законченной - не из-за лени автора, а потому что жизнь не кончается. Возьмите тот же портрет. Сегодня человек пришел на сеанс в одном настроении, завтра в ином, а послезавтра вообще не узнаваем. Поэтому портрета как такового не существует, есть лишь маленькая толика оригинала в конкретный момент времени. И я пытаюсь передать это состояние-мгновение.

- Почему вы, народный художник России, выбрали мастерскую не на Арбате или Пречистенке, а именно в Зюзине?

- Мне хорошо здесь, и местные власти пошли навстречу, выделив мастерскую. Рядом конно-спортивный комплекс «Битца», лес, ставший родным, - места несчетные, располагающие к уединению, размышлению. А чем меньше художник на виду, тем меньше ему мешают общественными поручениями. Уверен, если бы Толстой не уединился в Ясной Поляне, а Пушкина не сослали в глушь, они бы не создали шедевров: большая толпа порождает большие глупости. Чтобы стать личностью, познать и выразить себя, человек должен хотя бы на время самостоятельно изгнать себя из общества.

- Но у вас была возможность уединиться и в более благополучных странах - скажем, в США.

- У каждого русского, живущего за рубежом, болит душа по дому. Я был во многих красивых местах, но когда начинают тяготить непривычный климат, чужая речь и обычаи, для художника это очень плохо. Для меня самое главное - работать дома. В зюзинском лесу я сделал столько хороших работ, сколько бы не написал ни в одном другом месте.

- Как бы вы сами охарактеризовали свою живопись?

- Я художник-реалист и в творческих поисках отталкиваюсь от классических основ живописи - рисунка, композиции, колорита, передачи состояния, настроения, философской мысли. Но в отличие от Иванова, 30 лет писавшего «Явление Христа народу» в стремлении довести картину до неимоверной реалистичности, убежден, что нельзя материализовать состояние соприкосновения. Я сторонник ассоциативной живописи, выражающейся в экспрессии, - мне ближе упругий металлический мастихин, нежели тонкая кисть. Неярко выраженная линия, нечеткий рисунок, но присутствие самой живописи рождает большую эмоциональность, толкая человека на размышления.

Долго собираю материал, вынашиваю замысел, ну а сам процесс работы идет довольно быстро. Когда пишу, уже не думаю, как писать - просто отключаюсь. Однажды зимой с одной стойки написал два этюда и только потом заметил, что у меня примерзли валенки.

- Что вас вдохновляет?

- Все, что наполнено красотой и смыслом, - будь то озябшая былинка или величественный пик. Надо лишь суметь это разглядеть. Поэтому мое вдохновение - в самонастроении. Так, перед поездкой во Вьетнам изучал обычаи, географические и климатические особенности этой страны, наметил себе программу. Результат: 20 крупномасштабных полотен за две недели. Каждый день стараюсь получить для себя толику желаемого - скажем, выразить состояние восхода, вечера. Могут несколько раз написать одно и то же место, но всякий раз оно будет иным. Однажды перелетел за ночь с Кавказа на Алтай, чтобы создать работы в другой географической полосе, и это получилось. Контраст физического ощущения природы - тоже источник вдохновения.

- Как вы относитесь к созданию школ живописи?

- Думаю, что это сковывает и вредит выражению личности. Было бы вернее называть их «школами ремесла»: молодой человек, не имея глубокого познания жизни, будет лишь перенимать, копировать учителя. А в фанатичном поклонении есть что-то неестественное. Я верю в краски, руки, разум. Верю в неисчерпаемость духовных, физических, психических ресурсов человека.

Беседу вела
Валерия СВАЛЬНОВА
Фото Татьяны ОСТРОВСКОЙ

